

[Гораций - пожилой, пухлый мужчина с гривой белых волос и легкой улыбкой. Он впускает меня в свой дом с вежливым энтузиазмом человека, привыкшего к развлечениям. Пока он возится, пытаюсь найти что-нибудь выпить для нас двоих, я немного осматриваюсь.

На стене висит несколько крестов, а на соседней мебели я замечаю несколько старых фотографий. На большинстве из них Гораций запечатлен со своей семьей, но на нескольких он запечатлен в возрасте около двадцати лет, в черных одеждах с традиционной пурпурной тканью церкви.

Наконец он находит лимонад и наливает каждому из нас по стакану. Мы садимся по разные стороны его старого, пыльного стола, и я беру в руки блокнот и ручку].

Я должен начать интервью? Или вы сначала будете задавать мне вопросы? Простите, просто... Я не думаю, что у меня когда-нибудь брали интервью. По крайней мере, с тех пор, как мы выиграли юношеский футбольный турнир, когда мне было пятнадцать.

«Все, что вам нужно сделать, - это рассказать о событии, которое вы упомянули, по телефону. Я буду задавать вопросы, когда сочту нужным».

Ну что ж... Я заранее прошу прощения, если заблужусь или не смогу вспомнить все как следует; вы же знаете, как это бывает с возрастом.

В общем, история. Кажется, я переехал в Вистерию, когда мне было двадцать пять. Став независимым, я искал работу в округе, и так получилось, что город отчаянно нуждался в музыкальном служителе для местной церкви.

Будучи одновременно религиозной - благодаря влиянию родителей - и изучая теорию музыки в колледже, я увидела в этом просто находку. Я поговорил со старшим пастором по телефону, и после проверки моих рекомендаций он сразу же принял меня на работу.

«Вам не показалось это странным?»

Вовсе нет, совсем нет. Это было другое время; каждый, кто имел хотя бы диплом о среднем образовании, мог найти достойную работу, чтобы содержать семью. А если у вас было высшее образование? Это уже другая история; работодатели практически дрались за право заполучить вас. Мне повезло. Мои родители дали мне образование и моральные принципы, чтобы я смог добиться успеха в этом мире, и я так и сделал.

Я приехал через несколько дней с теми немногими вещами, которые у меня были. Поскольку у меня не было ни одного покемона, я смог найти довольно дешевую квартиру недалеко от центра города. Я поселился в ней и сразу почувствовал себя как дома. В гости приходили соседи, а я впервые за много лет попробовал домашний яблочный пирог. Сделан он был из яблок из Йохто, собранных в Ледибе, если вы можете в это поверить.

Очень милые люди, все они. Если кто-то из нас попадал в беду, мы могли рассчитывать на помощь друг друга, не то что сейчас, когда соседи избегают друг друга и хотят держаться особняком. Не то чтобы я жаловался на нынешнюю молодежь, я бы не хотел быть одним из них. Просто... ах, простите. Я ухожу от темы.

Да, церковь. В ней не было ничего захватывающего дух, и уж точно не одна из тех часовен Синноха, которые заставляют вас жалеть о том, что у вас нет денег на поездку за границу. Это было простое, высокое здание с двумя мраморными колоннами по бокам от входа, несколькими рядами деревянных скамей и алтарем. Справа была возвышающаяся площадка, где дети и молодежь должны были петь, а я - руководить ими.

В тот день я лишь подписал кое-какие бумаги и встретился с человеком, с которым разговаривал по телефону. Пастор Макмиллиан, самый лучший человек, которого вы когда-либо могли встретить, все еще был в своей мантии.

Его голос был мягким, он легко улыбался, потому что, как вы понимаете, он не был похож на типичного пастора, которого большинство людей представляют себе, когда это слово приходит им на ум. Он знал, как сделать так, чтобы его голос был слышен, как и положено любому оратору, но он не был суровым или недружелюбным. Более того, в тот же день он пригласил меня на чашку бренди, и мы мило побеседовали о городе и наших конфессиях. Он принадлежал к небольшой ветви Церкви, не настолько значительной, чтобы полностью отделиться, но все же довольно редкой, и я к ней не принадлежал. Но я ничуть не возражал, более того, он научил меня многим вещам о вере, которые ортодоксальный человек не смог бы рассказать.

«Вы стали друзьями?»

В какой-то степени. В основном мы относились друг к другу с уважением и лишь изредка делили чашку шнапса после тяжелого рабочего дня. Я думаю, мы оба были слишком заняты своей работой, чтобы делать что-то еще.

К слову о работе, я приступил к своей на следующей неделе. Лето подходило к концу, и детей и подростков, составлявших основную часть хора, становилось все меньше. Кто-то из ребят стал слишком взрослым, кто-то нашел себе занятие по душе или просто получил возможность отказаться от того, к чему его принуждали родители. Тем не менее, с прошлого года у нас осталось всего восемь участников. Нужно было найти добровольцев, и тут на помощь пришел викарий.

Должно быть, у него были какие-то связи в городе, потому что на следующий день он сказал мне, что я буду проводить оценку тех двадцати восьми человек, которых ему удалось набрать.

«У меня сложилось впечатление, что город относительно малонаселенный».

Так оно и было. Чуть больше двух тысяч, если мне не изменяет память. Тем не менее, то, что город находится на перекрестке между Фуксией и Вермилионом, означало, что некоторые

люди из этих городов приезжали в Вистерию работать или учиться. У нас также было несколько иностранцев, хотя они встречались довольно редко.

В общем, мне поручили оценивать этих добровольцев. Ничего серьезного, далеко не работа или спортивное собеседование, но я все равно должен был проверить, есть ли у них то, что нужно, чтобы стать частью хора. Я, конечно, не собирался отказывать никому из них, но мне пришлось разделить молодых людей на две группы. Первая - основной хор, который будет выступать перед горожанами каждое воскресенье. Во вторую войдут те, кто будет проходить обучение, те, кто был слишком молод или не привык петь, но хотел научиться. Я учил их вместе с остальными одноклассниками, пока они не становились достаточно хорошими, чтобы стать частью официального хора.

Некоторых это не устраивало, и они уходили еще до того, как я предлагал им место во втором коллективе. Я их не виню, потому что знаю, как тяжело, когда тебя критикуют, особенно когда ты молод.

К счастью, такое случалось редко, и к концу дня у нас была хорошая группа из тридцати молодых людей, готовых приступить к тренировкам.

(Он на мгновение опускает взгляд на свои руки. Его пальцы крепко сжаты, и я вижу, как они слегка подрагивают под морщинами и мозолями. Он грустно улыбается].

Они были хорошими детьми. Салли всегда старалась быть лучшей, и такое отношение меня не удивляет, ведь она была тренером на стороне. Я говорил ей, что высокомерие опасно, но не могу сказать, что недоволен ее талантом. Бедняга Рональд тоже старался изо всех сил, но возраст - коварная штука, и его голос постоянно ломался. Эйвери был немного задирой, но через несколько недель нам удалось его приструнить. Клэр была самой старшей и самой милой из всех, хотя она была довольно застенчивой...

Ах, простите, я не хотел так вспоминать. Вероятно, такие подробности вас не интересуют.

«Это твоя история, Гораций. Ты вправе рассказывать ее так, как хочешь».

С-спасибо. Я постараюсь свести подобные перерывы к минимуму.

<http://tl.rulate.ru/book/115544/4520952>